

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

«НЕПОЗНАННОЕ»

СТРУНА ВРЕМЕНИ
Военные истории

Бушков. Непознанное

Александр Бушков

Струна времени. Военные истории

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бушков А. А.

Струна времени. Военные истории / А. А. Бушков — «Эксмо»,
2020 — (Бушков. Непознанное)

ISBN 978-5-04-112388-8

Весной 1944 года командиру разведывательного взвода поручили сопроводить на линию фронта троих странных офицеров. Станным в них было их неестественное спокойствие, даже равнодушие к происходящему, хотя готовились они к заведомо рискованному делу. И лица их были какие-то ухоженные, холеные, совсем не «боевые». Один из них незадолго до выхода взял гитару и спел песню. С надрывом, с хрипотцой. Разведчику она настолько понравилась, что он записал слова в свой дневник. Много лет спустя, уже в мирной жизни, он снова услышал эту же песню. Это был новый, как сейчас говорят, хит Владимира Высоцкого. В сорок четвертом великому барду было всего шесть лет, и сочинить эту песню тогда он не мог. Значит, те странные офицеры каким-то образом попали в сорок четвертый из будущего...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112388-8

© Бушков А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Лесная легенда	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Бушков

Струна времени. Военные истории

Лесная легенда

Ничего, если я начну с самого начала, и разговор будет долгий – как мы вообще туда попали, зачем? Все мы люди, порой тянет по-стариковски поболтать, как в песне поется, об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах, но вот далеко не всегда и можно. СМЕРШ как-никак. Кроме подписок по данным конкретным операциям (а их порой брали и с тех, кто подписками и так был увешан дальше некуда), была еще железная общая установка: сколько бы там лет ни прошло, словечком не вспоминать о тех делах, с которых гриф секретности не снят. Вьелось, знаете ли. Вы не против? Отлично.

Обстоятельства тут такие. Не просто снят гриф секретности (о чем старого военного пенсионера никто и не проинформировал бы). Тут даже почище: рассказ о той операции буквально три месяца назад попал в общедоступную документальную книгу, вот в этот самый сборник. Может, вы его читали? Тогда можно перейти сразу к главному. Нет? Ну тогда старикан, уж не посетуйте, поболтает – правда, без лишнего многословия, вычленять буду основное.

В книге этой все описано достаточно подробно, хотя многое – в общих чертах. Ну, а тот случай никто ни в один рапорт не включил, так что я касательно него никак не связан никакими подписками. Ну, понятно, не будь книги, я бы рассказал без всего сопутствовавшего, отделался бы чем-нибудь вроде: «Оказались мы там, выполняя задание командования...» Очень удобная формулировка: и не объясняет ничего, и все вроде бы ясно. Ну, а коли уж все рассекречено и, говоря казенно, доведено до широкой общественности, можно и напрямую...

Так вот... Март сорок пятого. Армия занимается своим делом, мы своим: немецкая агентура в наших тылах, окруженцы, банды, все прочее. И вот однажды наши ловят в эфире радиопередачу, а там и еще одну, тем же почерком, и еще одну. В относительно глубоком тылу, более чем в пятидесяти километрах от линии фронта. И определенно это немцы, что легко было установить по некоторым сугубо специфическим признакам. И еще до того, как подключились дешифровщики, качнув на косвенных, наши выдвинули версию, что это никакая не заброшенная агентура. Агентуру свою немцы готовили очень даже неплохо, и радисту накрепко вдальблывали в голову кое-какие правила: передача по возможности должна быть как можно короче, и после каждой следует менять дислокацию, перебираться подальше. А этот фриц шпарил сущими простынями, да вдобавок с одного и того же места, чувствовался обычный, как пфенниг, армейский радист, попросту не обученный кое-каким шпионским премудростям, – и рядом, очень похоже, нет никого, кто бы эти премудрости знал и мог поучить дурака умуразуму. Так что запеленговали его в том лесном массиве очень быстро.

А там и дешифровщики сработали оперативно. Честно говоря, на сей раз не благодаря своему умению, а оттого, что кто-то толковый перевернул ворох трофейных бумаг, сопоставил кое-что и сделал выводы, каковые в докладной и изложил.

По всему выходило, что передачи ведет один из радистов немецкой пехотной дивизии, которую наши незадолго до того взяли в «котел» и расчихвостили так, что вырваться удалось буквально горсточке, в том числе и тому болтуну, оказавшемуся, видимо, настолько добросовестным служакой, что рацию не бросил и не изничтожил, пер на горбу. Вся их штабная документация, в том числе и шифры (и даже один целехонький шифровальщик), попали к нам, куда следует. Так что с расшифровкой долго и не возились.

Сгоряча решили, что дело скучное и абсолютно нам неинтересное. Обычные окруженцы, не диковина. Забились в глушь и задумались, как жить дальше. Шестьдесят два человека, такая

сборная солянка – пехота, безлошадные танкисты, артиллеристы без матчасти. Командование над ними по праву старшего принял майор, командир батальона той самой разгромленной дивизии. По предварительным прикидкам, дурак с инициативой. Офицер потолковее (как многие на месте майора и поступали), да что там, толковый унтер быстро принял бы единственно возможное решение: не торчать в лесу, как леший на пне, а уходить на запад, к своим, попытаться перейти линию фронта. Крайне рискованно, но ничего лучшего в таком положении и не придумаешь. Либо идти сдаваться, либо пробираться к своим.

А этот экземпляр со своим сбродом (который он в радиограммах именовал «подразделением», ха!) торчал на одном месте и форменным образом ныл: сухпай вот-вот доедят, патронов по горсточке, просит «инструкций и помощи».

Инструкции – это бы еще ладно, не самый выдающийся идиотизм. Но вот насчет помощи... Какую такую помощь рассчитывал получить? Что за ними пошлют парочку самолетов? Парочку, потому что в один стандартный транспортник шестьдесят два рыла – да нет, шестьдесят три, включая майора, – не влезут? За пятьдесят километров в тыл? Размечтался...

Война – вещь жестокая и циничная. В условиях, когда сходятся миллионные армии, такую группочку, пожав плечами, непременно спишут в неизбежные потери. Конечно, окажись среди них серьезный генерал или важный секретоноситель, что наши, что немцы в такой ситуации обязательно самолет бы послали – но какую-нибудь легкомоторную кроху, чтобы вывезти одну эту персону, а остальным предложили бы топтать ножками. Так оно всегда и бывает.

Ну, благо все документы у нас, майора проверили быстренько. Ага, есть такой. Не сказать, чтобы скверный служака, но определенно из той породы вечных неудачников, которые ляжку-то тянут, но повышения и награды их с удивительным постоянством обходят стороной. Первую мировую дядя закончил капитаном, командиром роты, а за шесть лет подрос всего-то до комбата и майора. Ну вот такое у человека невезение. По-моему, такие в любой армии есть. Выпала тебе именно такая колея – и хрен из нее выберешься...

Решение подворачивалось простое: послать войска по охране тыла, и, если заерепенятся, отправить к нибелунгам. Они не первые такие и вряд ли последние, война еще на какое-то время затянется, Берлин все же не в двух шагах...

Но тут пришел ответ от немцев, и ситуация, как это частенько на войне случается, вмиг поменялась решительно и бесповоротно...

Немцы, как и следовало ожидать, сначала выругали за длинные передачи и приказали немедленно сменить место дислокации на другое, конкретно указанное – еще подальше в глушь. Что гораздо интереснее, велели ждать, когда сбросят грузовые контейнеры со жратвой и патронами, и, главное, «быть готовыми выполнять задание командования, о сути которого будет сообщено дополнительно».

Вот это решительно меняло дело и было для нас крайне интересно. Никакой сверхчеловеческой проницательности от наших и не требовалось – были уже примеры. Районы те немецкую разведку интересовали невероятно, как и нас, окажись мы на их месте. Готовилось наше очередное наступление, и серьезное. Неизвестно, знали ли уже немцы направление нашего главного удара или пока нет. В любом случае всякая военная разведка поступает одинаково: забрасывает в тыл противнику агентов-парашютистов, чтобы отслеживали перемещение военной техники и войск, а при необходимости устраивает еще и диверсии на железных дорогах. Немцы, кстати, поначалу так и поступили, забросили две группы, но обе мы отловили (к сожалению, в обоих случаях, так уж не свезло, не удалось взять живыми радистов). И уж никак не могли пройти мимо такого подарка судьбы – в крайне интересующих их местах ховаются шестьдесят кадровых вермахтовцев, которых можно использовать в вышеназванных целях.

Правда, имелся весьма существенный нюанс, который немцы не могли не понимать... В лесу прятались обычные вермахтовцы, строевики, окопники. А подрывать рельсы и уж тем более умело вести сбор информации о военных перевозках и других перемещениях против-

ника кто бы их учил... При всей своей тевтонской исполнительности запорются очень быстро – я о разведке. По радио, так сказать, заочно, не особенно и поднатаскаешь – еще и оттого, что долгие радиоинструктажи легко засечь. К тому же у наших «лесовиков» не было диверсионных спецсредств – откуда бы они таким разжились, драпая из «котла»? Как учил предшествующий опыт: уж если немцы всерьез решили окруженцев этих именно так использовать, непременно сбросят к ним не только нужное снаряжение, но и инструкторов – по минно-подрывному делу и по разведке. Случались прецеденты на других фронтах. Сто шансов из ста, они именно так и поступят, иначе затея теряет всякий смысл.

Ну, предположим, подрывники немецкие нас интересовали меньше всего – не бог весть какой ценный товар. А вот дела разведки... Чтобы ее грамотно поставить, несомненно, прилетит абверовец – не полковник и не генерал, конечно, но уж, безусловно, не сопливый лейтенантик, а битый волк, немало знающий помимо данной операции. А вот абверовец, свеженький, только что из-за линии фронта – это уже та фигура, из-за которой стоит рвать пупок. Икрыный карась, ага...

Вот только для того, чтобы все прошло по-нашему, чтобы принять гостей, требовалась качественная, искусная радиоигра, из тех, что порой кончаются провалом, а иногда и нешуточным успехом. Дело прочно взяла под контроль Москва (судя по некоторым многозначительно скупым обмолвкам, вроде бы даже Ставка, а значит, Сам).

Мы, причастные, довольно быстро сообразили, чего следует ждать: не дети малые, не впервые. Так оно и оказалось: очень быстро нагрянуло Высокое Начальство и стало изрекать привычные формулировки: «кровь из носу», «в лепешку расшибись, но выполни», «сделай или умри, а еще лучше сделай, не умирая». И все такое прочее, чтобы прониклись, осознали до доньшка всю важность поставленной задачи. Ну, это неизбежно присутствует в любой армии. Я бы на месте высокого начальства держался точно так же – функция у него такая. Философски-то говоря.

Войсковой операции проводить, разумеется, не стали, чтобы не кончилось пошлой перестрелкой с кучей трупов. Радист нам позарез требовался живым и невредимым, к тому же не успевшим отстучать на ту сторону, что им пришли кранты. Так что никаких открытых действий. Исключительно нашими усилиями.

Ну, дело знакомое. Разве что их там не, скажем, шесть, а шестьдесят с хвостиком, но методика, в общем, та же самая... Ввиду особой важности задания начальство не скупердяйничало, как это с ним, между нами говоря, иногда бывало. Спецов-разыскников, мастеров вязать волчар, выделили даже больше, чем там было этих самых окруженцев. По-моему, совершенно правильно: кашу маслом не испортишь. Умелые радиоигры все же вещь штучная, и тут уж лучше не мелочиться...

Место их дислокации мы отыскивали довольно быстро, хотя и не в одночасье. Майор явно учел наставления, которые ему давали с той стороны, – и радист всякий раз с охраной человек из пяти уходил на несколько километров от заброшенного хуторка, на котором они обосновались, – и всякий раз в другом направлении, но это нам задачу ничуть не осложняло, наоборот, облегчало: так гораздо легче взять его чисто.

Наблюдение за хутором и перемещениями радиста мы вели чуть ли не круглосуточно, так и оставшись незамеченными, – куда было простым армейцам тягаться с нашими ребятами, отлично умевшими действовать в лесах. Ну, и эфир мы слушали постоянно.

Немцы (как, впрочем, и ожидалось) одно время начали проверки. Выглядело это примерно так: «Говорите, у вас там есть фельдфебель Ганс Швайне? А позовите-ка его к рации. Гутен таг, Ганс! Это твой старый камрад Вилли из второго взвода. А не вспомнишь ли, как летом сорок четвертого там-то и там-то происходило то и это?» Или задавали майору вопросы, на которые мог ответить только он сам.

Правда, проверки эти довольно быстро прекратились – немцы должны были прекрасно понимать, что полной ясности они не внесут, как ни старайся. Предположим, и фельдфебель Ганс, и майор самые что ни на есть доподлинные – но где стопроцентная гарантия, что они и в самом деле сидят на том хуторке, а не у нас квартируют и работают под контролем? Такое можно определить, только послав на место человека...

Через пару дней немцы ночью (конечно, предварительно обговорив место и условные сигналы) сбросили им на парашютах три грузовых контейнера. Как вскоре выяснилось, с продуктами, боеприпасами, питанием для рации. А самое интересное там было – четыре ящика компактных мощных мин самого что ни на есть диверсионного назначения, нескольких разных типов – и для подрыва рельсов, и магнитные, которые можно приклепнуть, скажем, под днище паровоза или вагона с боеприпасами, третьи, мастерски замаскированные под куски угля, подбрасывают в тендер. Увы, это еще не свидетельствовало, что немцы поверили полностью. Ради большой игры можно пожертвовать и десятком контейнеров такого добра. Хватало примеров.

Еще через пару дней в Москве решили, что с этим идиллическим сидением на хуторке пора кончать. Во-первых, пора самим вступать в игру, то есть брать радиста. Во-вторых, места были хоть и глухие, но беспокойные, на запад все еще тащились окруженцы, и немцы, и власовцы, боявшиеся плена еще почище немцев. Два раза объявлялись отрядики АК, целеустремленно топавшие по каким-то своим делам. Всю эту публику, если убеждались, что она собирается идти своей дорогой вдалеке от объекта нашего интереса, пропускали беспрепятственно – пусть себе топают, взять без шума можно и потом, дав отойти достаточно далеко. А вот группу эстонских эсэсовцев, то ли не успевших, то ли не захотевших сбежать с хозяевами, пришлось окружить и уничтожить – как только стало ясно, что они не намерены пробираться к линии фронта, а намерены обосноваться в тех местах, чтобы потом, зная повадки этой публики, пакостничать в тылах.

Одним словом, поступил приказ действовать, и все пришло в движение. Радисту дали закончить сеанс и чистенько взяли вместе с охраной, к хуторку выдвинулось подразделение войск НКВД с ротными минометами, постреляли немного, не на поражение, в белый свет, положили два десятка мин вокруг хуторка, а потом через мегафон растолковали ситуацию: что господа тевтоны в полной заднице, что никакой такой особой ценности они для нас не представляют, у нас по лагерям военнопленных такого добра и без них хватает. А потому – десять минут на размышление. Либо забросаем минами, или, чтобы самим не возиться, вызовем звено штурмовиков, тех самых, которые вы зовете «черная смерть», – и уж они по хуторку поработают...

Думается мне, последний аргумент и сыграл решающую роль – обстрелянные немцы «черной смерти» боялись, как черт лаdana, и было за что. У них даже, к тому времени стало известно, ходили дурацкие слухи, что на «Ил-2» летают сплошь выпущенные из тюрем смертники, законченное зверье, которое не только с воздуха гвоздит, а в свободное время еще и на земле вырезает всех попавшихся им немцев поголовно. Примерно через месяц пришлось нам вести пленных мимо полевого аэродрома, где стояли «Ил-2» – так один фриц, не пацан и не задохлик, натуральным образом хлопнулся в обморок. Решил, придурок, что мы их именно на аэродром и ведем, чтобы звери-летчики их предали самой лютой смерти. Было, ага...

Короче говоря, уже минут через пять они выкинули белую тряпку и смирнехонько вышли, побросав оружие. Майора и еще нескольких человек, упоминавшихся в радиопереговорах, мы оставили себе (мало ли, вдруг пригодятся), а остальных передали местным особистам, чтобы допросили, как положено, и отправили в ближайший лагерь военнопленных. Что было с ними еще делать?

Радиста мы очень быстро склонили к сотрудничеству – благо имели дело не с хорошо подготовленным волчарой-парашютистом, а с обычной серой пехотой. Вы не ухмыляйтесь, не ухмыляйтесь. Никто его и пальцем не тронул. Конечно, наша система – никоим образом

не институт благородных девиц. Иногда, что греха таить, приходилось без всякой оглядки на Женевскую конвенцию залезать в личность – но так себя ведут исключительно с людьми, от которых нужно получить конкретную одноразовую информацию. Зато, когда склоняешь к длительному сотрудничеству, все идет на чистой психологии. В подробности я вдаваться не буду, эти методики, чуёт мое сердце, так и останутся засекреченными навсегда. Война давно кончилась, но, так сказать, жизнь продолжается. Уловили мою мысль? Вот и отлично...

Уже с нашей подачи радист скормил немцам конфетку – отправил две радиogramмы с кое-какими «собранными разведданными». Ну конечно, искусная смесь «дезы» с обрывочками правдивой информации. В таких случаях никогда нельзя кормить противника чистой дезой. Не такие мы были идеалисты и лапти, чтобы верить, будто удалось вычистить в том районе всю немецкую агентуру. Кто-то, нами пока не выявленный, мог что-то и перепроверить...

Один маленький нюанс: донесения умышленно были составлены так, чтобы специалисту с первого взгляда стало ясно – сбор информации о наших частях и военных перевозках осуществлялся так топорно, глупо, непрофессионально, что наблюдатели, продолжай они работать в том же духе, должны очень быстро запороться. Стопроцентно уверен, что кто-то у немцев хватался за голову, как, скорее всего, и я на его месте. Ясно же: запоровшись, эти горе-разведчики моментально сдадут всех остальных – и прости-прощай обосновавшийся на хуторе абверовский кадровый резерв. Понятно, делалось это для того, чтобы показать немцам: такие помощнички, будь они сто раз верные фюреру истинные арийцы, много не наработают, очень быстро самым вульгарным образом спалятся и потянут за собой остальных. Так что специалист по разведке в тылу врага жизненно необходим, и побыстрее.

Больше всего у нас боялись даже не того, что немцы могут раскусить игру... Что, если они решат: со столь косорукими «агентами» каши не сварить, что овчинка не стоит выделки и рациональнее будет попросту оставить майора с его воинством на произвол судьбы, попросту приказав ему бросить все и выбираться к линии фронта, уж как там у него получится. С другой стороны, они ведь прислали приличное количество диверсионных мин, прекрасно зная, что у окруженцев нет ни одного специалиста по подрывному делу. Это внушало некоторые надежды...

К тому времени немец-радист уже вел передачи из точки километрах в ста северо-восточнее того места, где мы их взяли. Немцам, правда, сообщили другие координаты места, куда якобы пришлось перебазироваться, километров на полсотни ближе к тому хутору. Ну, объяснили, надо надеяться, убедительно: на прежнем месте очень уж беспокоило, так и шляется кто попало, а два раза в лесу, хоть и далеко от хутора, появлялись советские военные, которые, такое впечатление, что-то или кого-то искали, один раз даже с собаками. Вот и пришлось перебраться в местечко поглуше. С одной стороны, придется отмахивать гораздо большие концы, с другой – так гораздо безопаснее. Немцы, чуть подумав, такое решение одобрили, еще раз напомнили об осторожности, кратенько дали кое-какие советы касаясь того, как работать не столь топорно, а в заключение пообещали «в скором времени оказать более существенную помощь». Последняя фразочка опять-таки вселяла надежды, ведь «существенную помощь» можно было в данной ситуации оказать одним-единственным образом: прислав специалистов, с которыми мы прямо-таки жаждали познакомиться и пообщаться!

По делу работали еще две обеспечивающие группы: одна готовила в штабе армии убедительную дезу, другая вела постоянное наблюдение за тем местом, о котором мы, то бишь якобы майор, сообщили как о новом месте постоя. Мало ли, как оборачивались дела в таких вот случаях. Немцы вполне могли, опять-таки проверки ради, выбросить парочку парашютистов или же послать кого-то из той самой своей здешней недовыловленной нами агентуры – чтобы проверили, имеется ли в указанном месте майорово доблестное воинство. Ну, а мою группу, с немцем-радистом, забросили в совершеннейшую глухомань.

Почему сделали именно так, почему не стали вести радиоигру из какого-нибудь близлежащего города, а погнали в глушь? Ни у кого тогда не было аппаратуры, способной определить из-за линии фронта, с достаточно большого расстояния, откуда именно ведется радиопередача. Можно было работать хоть из самой Москвы.

Ну что тут сказать... Что в армии, что в нашей системе у начальства сплошь и рядом бывают свои высшие соображения, которые до подчиненных не доводятся. Мне самому в ходе пары операций приходилось кое-что секретить от подчиненных. Так что тому, кто не посвящен во все, иные поступки руководства могут показаться блажью, а то и глупостью – а на деле за ними скрыт свой глубокий смысл...

Московские планировщики операции ни за что не допустили бы ни глупости, ни блажи – не те были люди у Лаврентия Павловича, без которого тут просто не могло обойтись, несмотря на то, что СМЕРШем руководил Абакумов. А тайная война, особенно радиоигры, – дело тонкое...

От безделья (почему оно мне выпало – чуть погода) я пытался понять логику начальства, ставя себя на его место. Убедительнее всего выглядела такая версия: там, в Москве, опасались очередной хитрой немецкой проверки.

При любой радиоигре обязательно изучается (или освежается в памяти) опыт предшествующих – детали, подробности, успехи и неудачи. Точно так же то было заведено и у немцев. Был интересный случай парой лет раньше. У них в тылу вроде бы нормально работала заброшенная нами разведгруппа. Почерк радиста сомнений не вызывает, сведения идут верные. Настало время послать к ним связного, немало знавшего офицера, чтобы устно передал обширные инструкции для дальнейших действий – пеленгаторная служба у немцев работала отлично, и не стоило лишний раз вылезать в эфир с обширными «простынями». Благо все проверки группа прошла.

И тут в чью-то светлую – ох, светлую! – голову пришла идея устроить все же еще одну проверку. Радисту поступил короткий приказ: завтра в такое-то время, как штык, неотлучно находиться на явке, у рации, для приема крайне важного сообщения. А назавтра поступила радиограмма примерно такого содержания: мил человек, ты у нас парень опытный, сам понимаешь, что в таких делах на любые проверки обижаться не следует. Сообщаешь, что обосновался в данном городе по такому-то адресу? Вот и ладушки. Опиши-ка немедленно и подробно вид из окна твоей квартиры...

И эта сука завияла! Молчал минут двадцать, потом вышел на связь и погнал откровенную пургу: мол, ему вчера вечером пришлось перебраться с рацией на другой конец города, на запасную явку, а то что-то замаячили поблизости немецкие радиопеленгаторные машины, которые ни с чем другим не спутаешь, очень уж характерный у них вид...

Ах ты ж тварь! О подобном перемещении обязан был сообщить немедленно!

Тут уж не осталось никаких сомнений: радист, а то и вся группа, в руках у немцев, радиста и, очень похоже, еще кого-то из членов группы они сломали, идет радиоигра... И передачи идут откуда-то из совершенно другого места. Немцы допустили один-единственный прокол, не посадили радиста по названному ими адресу и не оставили там постоянной группы, ограничившись, надо полагать, одним наружным наблюдением за «явкой». У самого хитрого лиса, что нашего, что немецкого, порой случались проколы, гробившие все дело. Взять хотя бы историю с нержавеющей скрепками, давно известна, не секрет... Знаете? Ну вот... В общем, если бы не та светлая головушка плюс немецкий прокол, угодил бы наш офицер прямехонько к абверовцам...

Примечание автора: история со скрепками и в самом деле давно известна. Наши в документы ставили скрепки из простого железа, оно быстро окислялось, на страничках оставался следок ржавчины. Немцы это поначалу недоучли и своим агентам в поддельные документы пихали скрепки из нержавеющей стали, и как только наши это просекли, пошел у немцев про-

вал за провалом. Кстати, есть информация, что однажды случилось с точностью до наоборот: нашим разведчикам в поддельные немецкие папиры поставили скрепки не из нержавеющей стали, а из простого железа, быстро давшие ржавый след. На чем и погорели заброшенные...

Так вот, мне приходит в голову, что начальство опасалось со стороны немцев именно подобной проверки. Места эти были немцам прекрасно известны по одной простой причине: земли тамошние, будучи в свое время польскими, при разделах Польши попали как раз к Пруссии, ну а потом, соответственно, к Германской империи. (Пилсудский их забрал в восемнадцатом году, а в тридцать девятом немцы включили в состав рейха. Ну, а по Ялтинским соглашениям они возвращались Польше – но это к слову.)

Короче говоря, у аккуратистов-немцев должна была сохраниться груда документов и подробнейших карт этих мест. И вот, предположим, на «хутор» приходит с той стороны радиогамма, что-то вроде того: немедленно опишите окружающий лес, каков он там: сосняк, березняк, смешанный? Опишите ландшафт. В течение четверти часа сообщите, цел ли такой-то колодец или мостик над речушкой. Предположим еще, что наши повторили тот немецкий прокол и не оставили на «хуторе» постоянной группы... Конец игре. Как ты тут ни юли... Пожалуй, это самая правдоподобная версия, хотя правды я так никогда и не узнал.

А вот другое соображение, по которому нашу группу дислоцировали именно в эту глушь, начальство от меня не секретило, наоборот, провело подробнейший инструктаж. В некоторых смыслах тот район был, если можно так выразиться, стерильным. Совершенно не затронутым ни войной, ни «партизанкой». Очень уж дикая глухомань, предгорья-чащобы, совершенно бесполезные во многих смыслах. Уж там-то не было ни малейшего риска, что на наше расположение выйдут немцы-окруженцы, аковцы или какая-нибудь другая сволочь.

Я вас не заговорил, так подробно описывая всю предысторию? Наоборот, интересно? Вот и отлично. Все мы люди, все человеки, хочется поговорить о военных годах – но у нас-то, сами понимаете, положение не то, что у обычных вояк, раз в сто лет случается, чтобы вот так выпал случай свободно поговорить о наших делах...

Ну, если вам и в самом деле интересно, расскажу и о том подробном инструктаже, который я и все подчиненные мне офицеры получили перед отправкой. Благо эта информация никогда и не секретилась.

Предгорья, чащобы, глухомань. Собственно говоря, обитали там не просто поляки, а мазуры. Это такая народность... а, вы знаете? Да, язык немного отличается, но не особенно. Хорошо зная польский, и понимать, и объясняться нетрудно. А я-то знал польский хорошо, да и теперь не подзабыл, вон, целая полка детективов. Дело в том, что после выпуска я успел прослужить в Ленинградском пограничном округе лишь несколько месяцев, а потом меня перевели на запад, где оборудовали новую границу, создавали заставы. На одной такой заставе я и прослужил с ноября тридцать девятого до двадцать второго июня ясно какого года. Обязанности у меня были... гм, скажем так, специфические, требовавшие хорошего знания польского. Вот и пришлось в пожарном порядке учить так, чтобы от зубов отскакивало, – впрочем, мне, белорусу, хоть и «восточнику», в этом отношении пришлось легче, чем другим, начинавшим с нуля.

В общем, мазурские края. По обширному району разбросано немало деревушек, но в большинстве своем небольших, порой вообще на десяток дворов. То село, неподалеку от которого мы обосновались, смело могло считаться по местным меркам прямо-таки центром цивилизации: сотня с лишним дворов, костел, парафия, то бишь резиденция приходского ксендза, три корчмы, четырехклассная школа, почта, базары по воскресеньям... Цивилизация, в общем. Относительная, конечно: единственный телефон – на почте, радиоприемник до войны имелся только у ксендза (немцы, когда пришли, забрали), всей администрации – местный староста, олицетворявший своей персоной и власть над тем районом, газеты до войны выписывали только ксендз, почтмейстер (опять-таки, подобно старосте, в одном лице составлявший

весь персонал почты), местный учитель да один из корчмарей (но не какую-то более-менее серьезную, а этакий бульварный листок). Медицины никакой, в случае чего-то серьезного больного приходилось везти километров за полсотни в повят¹ – но местные, знаете ли, частенько и не возили, согласно нехитрой мужицкой философии: бог даст, выздоровеет, а помрет, так это ему на роду было написано. Электричества тут не видывали со времен его изобретения. Ага, еще одна на всю округу ветряная мельница (по этой причине мельник был персоной небедной, такой местной аристократией), один на всю округу полицейский и двое лесников. Глухома-ань... Я ведь читал до войны «Машину времени» Уэллса – и казалось порой, что всех нас на такой машине зашвырнуло куда-то в девятнадцатый век. Нет, серьезно. Просто-напросто не имелось никаких внешних примет первой половины двадцатого века. Жили, как лет сто назад, разве что меньше стало кунтушей, таких длиннополых кафтанов, их в будни носили главным образом старики, но по большим праздникам надевали и люди помоложе, кунтуши, когда мы приехали, все еще висели в лавке. Ага, я еще лавку забыл упомянуть. Единственную на все село и всю округу, а потому торговавшую всем на свете, от селедки и подковных гвоздей до кунтушей, хомутов и вил. Лавочник, монополист хренов, числился среди местных хозяев жизни. Война его коммерцию изрядно подкосила, но как-то все же выкручивался...

Жили они там довольно бедновато – места не способствовали. Пахотной земли пониже, в долине, было маловато, и довольно скудной. Выращивали в основном ячмень. Те, кто побогаче, его возили в повят, продавали на тамошнюю пивоварню, а мелкие хозяйчики пускали опять-таки на пиво, но уже исключительно для собственного употребления. Пиво, между прочим, было весьма даже неплохое.

Кое-кто держал овец – но опять-таки немногие, отары были маленькие – не было в горах хороших, богатых пастбищ, имелись еще смолокуры и углежоги – но и на этом экзотическом для советского офицера ремесле не разбогатеешь. Кто-то держал парочку коров, кто-то свиней: животное неприхотливая и особого ухода не требует. Несколько человек мыли золотишко в горах – там оно в ручьях попадалось, в вовсе уж мизерных количествах (отчего ни одна власть всерьез им никогда не занималась). Но если знать место и погорбатиться с весны до снега без передышки, можно намыть жменьку, как лишнее подспорье в хозяйстве.

И еще одна интересная подробность. Браконьерские были места – мама родная. Благо дичины в лесах имелось изрядно. Это у них там была старая традиция, ухודившая куда-то в глубь веков. И ни одна власть никогда ничего не могла с этим поделаться: то есть, как могли, ловили и сажали, но попробуй-ка искорени полностью. Технически нереально. Я как-то прикинул от скуки: чтобы искоренить полностью это интересное ремесло, пришлось бы в тех местах постоянно держать не менее полка – а какая власть пойдет на такое расточительство? Вот они и старались изо всех сил, были целые, прости господи, трудовые династии. И мастера с нешуточным стажем. Какой-нибудь нестарый еще мужичок лет пятидесяти озоровал и при кайзере, когда тут были охотничьи уголья какого-то князя, и при Пилсудском, и при немцах. Да и семейка не отставала.

Вот такая была глухомань. Все войны нашего века ее обошли стороной – и в Первую мировую, и в тридцать девятом, и сейчас фронты проходили гораздо южнее, так что сюда и отголосков не доносилось. Рекрутов, правда, гребли, это уж как водится – и при кайзере, и при Пилсудском. Но война сама по себе их совершенно не затронула. Настолько, что немцы сюда добрались только в середине октября тридцать девятого – на двух бронетранспортерах, с какими-то обмундированными чиновничками.

Наворотить они тут ничего особенно не наворотили – в такой-то глуши? Первым делом в три секунды сместили старосту (он, понятно, не дурак, а потому не сопротивлялся, шапку в руках мял да кланялся). На его место поставили какого-то хмурого фольксдойча, которого

¹ По нашим терминам – райцентр.

привезли из повята. Полицейского разоружили, велели снять форму и сидеть тише воды, ниже травы. На их место привезли каких-то двух мордovorотов, опять-таки из повята – сначала они шлялись в штатском, только с кобурами на поясе и повязками на рукаве, но потом немцы стали организовывать «гранатовых» и привезли им мундиры. «Гранатовый» по-польски – темно-синий, вот и щеголяли эти сизари до поры до времени. Почтмейстера опять-таки выгнали к чертовой матери, тоже велели форму больше не носить, а на почте поселили полицаев и нового старосту. Сгребли давным-давно прижившегося здесь еврея-сапожника со всем семейством, а заодно прихватили и учителя. Хотя никаким евреем он не был. По поводу данного обстоятельства местные потом долго чесали в затылках: его-то за что? Человек тихий, пожилой, политической не занимался отроду, в партиях не состоял...

Ну, мы-то знали, что к чему. Немцы еще до вторжения с присущей им, сукам, скрупулезностью разработали план уничтожения польской элиты и интеллигенции. Какое там образование, когда полякам запрещалось даже есть белый хлеб. Я серьезно. За белый хлеб поляка могли и к стенке прислонить, чтоб не объедал высшую расу, недочеловек...

Да, самое интересное. Обоих лесников они по каким-то своим соображениям трогать не стали, велели только снять все прежние знаки различия, выдали взамен повязки с какими-то печатями, взяли подписку о верной службе рейху, даже ружья им оставили и наказали исполнять прежние обязанности. Ну, а поскольку без агитации и пропаганды в таком деле ни за что не обойдешься, один из чиновничков, неплохо говоривший по-польски, закатил перед согнанными деревенскими долгую речь. Объявил, что эти земли вновь отныне и навсегда возвращаются в состав тысячелетнего рейха, потребовал строжайшей лояльности к новому немецкому порядку и огласил длиннейший список прегрешений перед новой властью, за которые полагается расстрел.

Пока он распинался, бравые зольдатики свернули шеи дюжине оплошавших гусей, закинули в бронетранспортеры парочку свиней и еще того-сего, что плохо лежало. И укатили.

Собственно говоря, этим немецкие «реформы» и ограничились. Разве что налоги, как водится, увеличили, а потом угнали куда-то на работы с дюжину парней покрепче и помоложе. Да еще раз несколько в год сюда приезжали поохотиться немецкие офицеры.

А в общем и целом за последующие годы военного лихолетья округа не хлебнула. Партизан, как я уже говорил, здесь ни разу не объявлялось, ни «московских», ни «лондонских». Так и прожили почти что прежним сонным царством до начала сорок пятого. Когда немцев из этих мест вышибли, прикатали на сей раз поляки, и представители новой власти, и наши, так сказать, коллеги. Староста-фольксдойч успел сбежать, но обоих полицаев взяли тепленькими, а заодно прихватили и лесников. Многое мне в поляках не нравится, признаюсь откровенно, но одно я безоговорочно принимаю и одобряю: немецких пособников, о какой бы разновидности ни шла речь, они грабастали за шкуру быстро и беспощадно. Не без перегибов, конечно – вот взять тему лесников, они-то, по большому счету, в чем виноваты? Ну да бывают времена и ситуации, чего уж там, когда вовсе без перегибов не обойдешься...

Так вот, в такую глухомань мы однажды и прикатали на нескольких «студерах» и «Виллисах», с парочкой полевых кухонь. Именно отсюда и предстояло вести радиоигру – как я уже говорил, места тихие, ни малейшего шанса, что на нас вылезет какая-нибудь вражина. Знал начальство, что делало. Как вежливые люди, уведомили старосту (того самого, довоенного, с приходом поляков объявившегося на прежнем месте), что какое-то время будем здесь дислоцироваться. Староста это принял философски – а что еще он мог сделать. Вдобавок с ним поговорил по душам прикомандированный к нашей группе капитан Витольд Ружицкий, наш коллега из Войска Польского. Меня заранее проинструктировали, что именно его, когда все немного утрясется, назначат, переводя на наши мерки, начальником воеводского, то бишь областного ГБ. Одним словом, наш был человек, наверняка проверенный на сто кругов.

Теперь о диспозиции, это немаловажно. Она была следующая: в лесу тянулась здешняя большая дорога, этаким главный проезжий тракт, по которому жители окрестных деревушек и хуторов ходили и ездили в ту самую большую деревню. Наша группа поставила машины, кухню и разбила пять палаток метров за восемьсот до поворота направо, к деревне, на обочине тракта. Та, что осуществляла радиоигру, разместилась чуть подальше: миновать поворот, пройти метров двести и еще метров триста подниматься по отлогому склону, по редколесью. Там они и разместились: тот самый немец-радист, трое наших офицеров, осуществлявших за ним самое бдительное наблюдение, и два отделения охраны – отнюдь не из зеленых первогодков и вообще не армейских, хотя все мы были одеты классическими армейцами. Конспирация, ага. Мне даже пришлось сменить майорские погоны на капитанские. Согласно диспозиции, мы со второй группой находились практически в пределах прямой видимости.

Порядок был заведен такой: связь в качестве посыльной между обоими лагерями осуществляла наша радистка Катя Кулешова. Обычно дважды в день ходила от нас к ним и назад. Если с той стороны был сеанс радиосвязи, они пускали зеленую ракету, Катя к ним отправлялась, забирала все материалы, приносила в наш лагерь и уже со своей рации передавала в штаб фронта. Если из штаба (то есть наверняка из Москвы) поступали требующие передачи на ту сторону депеши, Катя их относилась вверх. Понятия не имею, почему начальство придумало именно такую систему, ну да у него же не спросишь...

Почему столь ответственное дело поручили девчонке? А девчонки, знаете ли, бывают разные... Дело в том, что Катя была не просто вольнонаемной радисткой, а офицером из нашей системы. Училище НКВД, пусть и ускоренного выпуска, прослужила в моей группе больше года, за это время поднялась до старшего лейтенанта, четырежды участвовала в огневых контактах при задержаниях, однажды мы ее внедряли в одном только что освобожденном городке во время одной интересной операции. Свой человек, в общем. Самбистка-разрядница, «За боевые заслуги», обе «За освобождение Варшавы», наша и польская, да вдобавок польская бронзовая медаль за храбрость. Не мирный котеночек, одним словом. Такую без малейших тревог и беспокойства за нее можно было использовать в качестве курьера с серьезными документами в планшетке. Тем более в столь спокойных условиях. Да и ходила она не с цветочками – автомат ППС, пистолет, «лимонка» в кармане галифе, финка, с которой она отлично умела обращаться. Та еще девочка, одним словом: где сядешь, там и слезешь. Красивая была, между прочим, исключительно: волосы русые, глазки синие, вся из себя... Нет, подходов я не делал, хотя иногда, признаюсь, тянуло чертовски. И никто не делал – у нас на походно-полевые романы начальство смотрело очень даже косо, и если что, могло заправить такого фитиля...

По палаткам мы разместились согласно субординации: в одной я с Ружицким, в другой Катя (ну, тут не столько субординации ради, а, во-первых, из-за наличия рации, во-вторых, из-за ее пола), в третьей старшина Сидорчук и капрал Томшик (официально наши с Ружицким ординарцы, а на деле – хваткие оперативники), в четвертой шестеро солдат с поваром. Ну, и пятая – продуктовый склад с осточертевшими консервами-конcentратами. Впрочем, довольно скоро мы это дело поправили, но об этом потом...

Обустроившись, начали кой-какую работу. Для начала мы с Ружицким отправили в деревню Сидорчука с Томшиком: чтобы посидели в корчме, мягко и ненавязчиво войдя в доверие, что оба прекрасно умели. Неизвестно еще, сколько нам придется тут торчать, а потому следует немножко узнать и о деревне, и о районе. С учетом местной крестьянской психологии. Офицера, как «пана», будут сторониться, рядовой солдат – фигура не особенно и авторитетная, а вот два бравых унтера – совсем другое дело, с ними и крепкий деревенский кулачок не побрезгует выпить кружечку-другую и потолковать, что нового в большом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.